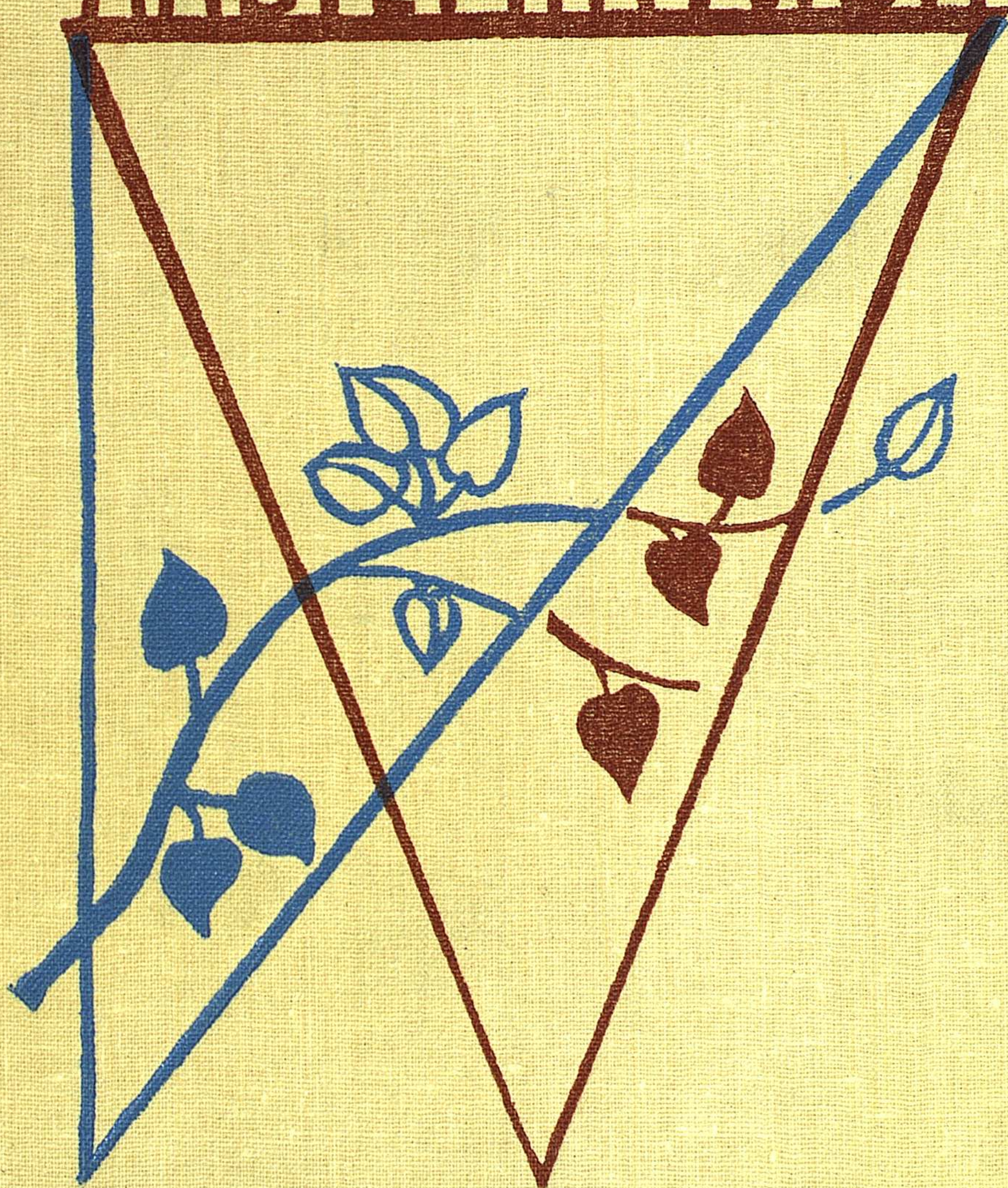

894.342-3
Т190
К

АКИМ ТАРАЗИ

АЛТЕРНАТИВА

АКИМ ТАРАЗИ

АЛЬТЕРНАТИВА

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

АЛМА-АТА
«ЖАЗУШЫ»

ББК 84Каз7 44
Т 19

Тарази А.

Т 19 **Альтернатива Повести и рассказы Пер с каз
Алма Ата Жазушы. 1989 — 432 с. ил**

В книгу известного казахского писателя включены повести и рассказы, написанные в последнее время. Героями его произведений являются наши соотечественники: труженики сел и городов, представители народной интеллигенции и молодежь.

Т **4702250201—095 135—89**
402(05)—89

ББК 84 Каз 7—44

© Перевод на русский язык.
Издательство «Жазушы», 1989
ISBN 5-605-00870-4

Рос. Библ. Ц. Т. К.

Любое произведение Акима Тарази построено по принципу ловушки, выйдя из которой читатель чувствует настоятельную потребность попасть в нее вновь. В повесть, в рассказ читающий вступает как в некий азиатский храм, тайна которого навечно скрыта от взгляда посторонних людей. Но вошедший в неприметные снаружи двери — это всегда молчаливый и одинокий избранник из числа многих других, непосвященных. В храме нет пола и потолка, но есть вольный дух степей и гор кочевого народа. Там не понять, то ли жизнь неба и земли отражается в судьбе его, в лишениях, невзгодах, в горьком счастье мудрости и отрадном забытии грез — то ли судьба самого народа заставляет смеяться и печалиться чуткие степи, заснеженные горы, и бушевать беспокойные небеса, осыпающие окалину звезд на скорбную землю военного лихолетья, землю сирот, вдов и стариков. И молчаливому свидетелю их жизни, вошедшему в нее читателю, откроется некий свет, которым равно отмечен взгляд одряхлевшего богатыря, совершившего много подвигов, достойных, великих, пелепых и озорных, и взгляд бесшабашного смуглого мальчика, который нереальное делает реальным, и философски осмысленный жутковатый взгляд младенца с огромной головой и слабыми ногами — их взгляд отмечен одним и тем же светом вечного знания, которое рассеяно во Вселенной и которое существовало задолго до их рождения, задолго до всякой жизни на земле. Герои Акима Тарази — носители этого потаенного света.

Вступившему в храм произведения предстоит поразиться непревзойденной гордости человека, той гордости, рождает которую лишь одна нищета. Но — гордость ли это? Или бескрайняя свобода богатырской души? Или многовековая воля предков переполняет молодого героя, ведущего свой народ от края смертельной пропасти в каменный колодец гор, накрытый лоскутом неба? Нет выхода из каменного плена. Но и там обживает беглый люд, и несет страшные потери, и копит силы для того, чтобы последовать за Сарманкулом к вечной жизни потомков. В этом каменном колодце ярко вспыхивает любовь дерзкой вдовы к нищему герою Сарманкулу — любовь туговатой на ухо красавицы, быстро забывшей своего павшего в праведном бою мужа, а потом невольно предавшей возлюбленного богатыря. Долго будет искать Сарманкул свою правую женщину — он найдет на земле предков лишь легенду о ней, бросившейся в колодец от домогательств жестокого мошенника. Эта повесть о народном спасителе Сарманкуле горчит, будто степная трава полынь, и благоухает так же, как желтый ее сухой цвет, который легкой пылью сыплется сквозь пальцы и который не удержать в руках.

Читателю еще хочется побыть рядом с мальчиком Бурашем с благородным и смелым вруном: Бураш умеет изображать, как притворно плачет по девичьей жизни старая дева, выходящая замуж, и точно передразнивает ругающихся соседок. Но этому мальчику вечно некогда — он бежит играть в азартную игру, в асыки, он спешит обыграть всех, потому что душа его вселилась в красную игральную кость там, на плоской мертвой равнине у подножия гор. А блаженный Копесбай, шляющийся по окрестным аулам, оборванец, которого подкармливают из милости, оказывается вовсе не сумасшедшим — он пришел в эти края за той единственной и любимой, которую выдали замуж из далекого селения за здешнего учителя, стерегущего каждый ее шаг. И все тот же Бураш, спрятавшийся от мальчишек у стен полуразрушенной лачуги, становится безмолвным свидетелем тайного, долгого ночного свиданья юной жены учителя и «полоумного» красавца-бродяги.

Читатель уже как будто постиг немногословную, витиеватую логику важных старцев, чья доброта безгранична и чья доверчивость по-детски чиста, и понял характеры замкнутых, молчаливых женщин, чья верность безгранична, а ласки бесценны, и убедился, сколь беспронимательна жестокость вкрадчивых льстецов. Но всякий раз, закрыв книгу, он ощутит отчетливое беспокойство. И почувствует, что, войдя в двери храма, он прошел мимо — мимо самого важного, сокрытого в глубине произведения смысла. Он вошел в двери, которые остались закрытыми по-прежнему. И сколько бы раз ни проникал в эти двери разум европейца — тайна Азии, спящая за резными старыми дверьми, открывается ему вся — но вечно остается тайной. Ибо сама тайна есть форма жизни Азии, форма жизни произведений Акима Тарази — высокая тайна искусства.

Вера Галактионова

Два тополя моего аула

САНЖАН

«Что с тобой происходит?— уже в который раз спрашивал себя Санжан.— Все-то складывалось у тебя точно по заказу. Чего еще не хватало? Но ты все бросил и бежал, бежал, будто от горного обвала. Может, хотел совсем другого?»

Он искал ответа и не находил. То, что с ним случилось, было где-то между явью и сном... И вот он в поезде. Москва — Джамбул.

— Скажи, друг...— Это ему.

В купе некуда деться от табачного дыма и никчемных вопросов. Его попутчики, впрочем, как и он сам, одурели от однообразия дороги — еще бы, пошел уже четвертый день.

Кроме Санжана, в тесном четырехместном ковчеге еще трое: мужчина средних лет в железнодорожной форме, молодой, полноватый казах и его жена — совсем еще юная, с большими красивыми глазами.

— Скажи, друг, почему там, где нет воды, не растет трава?— стараясь хоть как-то убить время, говорит Санжану железнодорожник. Он достает из кармана расческу и проводит ею по старательно прилизанной — волосок к волоску — голове.

— А почему бы не провести в эту пустыню канал?— вяло спрашивает железнодорожник, не дожидаясь ответа на предыдущий вопрос, потому что и сам его знает.

— Не дорожим мы тем, что нам в руки само пришло. Хозяйничать не умеем,— вздыхает полный казах, глядя в окно. Но его темные, обычно блестящие глаза задымлены скукой. «А лично мне и не нужно ничего. У меня все есть»,— написано на его круглом полусонном лице.

Еще при посадке Санжану это лицо показалось знакомым. Но так ли уж редко совершенно незнакомые люди кого-то напоминают нам, подумал он тогда. И вообще, ему было не до отгадок. Словом, он тотчас потерял к будущему спутнику интерес...

А почему?..

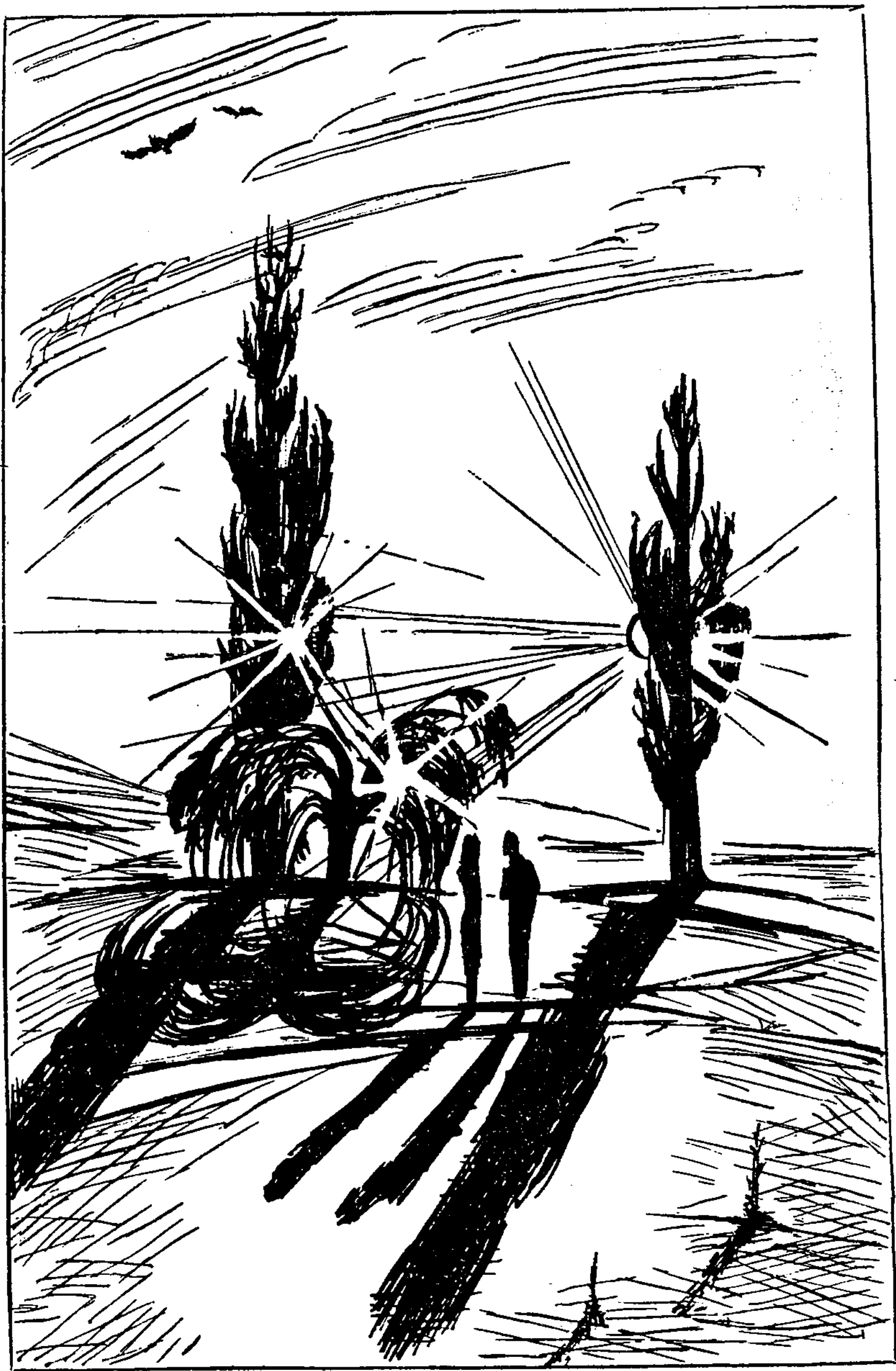
И так все трое суток — встанут утром, умоются и сразу «А почему белое — белое, а черное — черное? А почему поступать хорошо — хорошо, а поступать плохо — это плохо?» И в паузах подолгу сонно молчат. Оживляются собеседники к обеду «Ну что? Пойдем?» — заговорщицки предлагает один. «Да надо бы», — с притворным равнодушием отвечает другой. «А вы не пойдете?» — спрашивают Санжана, «Спасибо. Не хочу», — отвечает Санжан. Они пожимают плечами, уходят, и вместе с ними уходит женщина. Она все больше молчит, в разговоры мужчин не вмешивается. Когда муж ее отвечает на вопросы железнодорожника, слушает напряженно, с открытым ртом, будто ищет в каждом его слове скрытую мудрость.

Часа через два попутчики возвращаются из вагона-ресторана, ошоловелые от возлияний и обильной еды. Снова принимаются ленивые попытки хоть как-то себя развлечь. Но разговор не клеится, слова с трудом складываются в мысли и фразы, и тогда на помощь приходят сигареты. Минута, другая, и вот уже в купе, точно утром в горах, плавают облака сизого дыма.

— А теперь ты мне вот что скажи, — наконец произносит железнодорожник, нехотя шевеля языком. — Ты мне ответь...

Временами они в поисках разнообразия обращаются к нему. Но Санжан далек от них и ничего не слышит. Взгляд его устремлен в окно. За пыльным стеклом проносятся леса, реки, горы, селения. И всюду люди. Ходят люди. Люди сидят. Одни маются от безделья. Другие куда-то спешат. Кто-то беззаботно смеется. Кто-то грустит. Один провожает кого-то. Другой кого-то встречает. Эти двое любят друг друга. А те готовы перегрызться насмерть. У каждого свои друзья, свои враги. Каждый утверждает свое, гордо именуется «я» и воображает неким центром, вокруг которого вертится остальной мир. Вчера на одной из станций Санжан вышел на платформу подышать воздухом и невольно подслушал чужой разговор. «Я больше не люблю его, — негромко сообщила женщина с подведенными бровями и ярко накрашенным ртом, — все равно уйду от него». «А он знает?» — забеспокоился собеседник. «Даже не догадывается», — жестоко усмехнулась женщина. Вот так один человек на глазах другого решил судьбу своего ближнего, а бедняга даже не ведал об этом. На земле миллиарды людей, но многие ли из них хозяева своей судьбы? Хозяева ли и вот эти трое, соседи по купе? А впрочем, ему начихать на них. Главное, хозяин ли он сам?

— Эй, друг, в шахматы сыграем? — Судя по интонации, железнодорожник зовет его не в первый раз. Неуемной все-таки энергии человек.

Спасибо, не хочется,— отвечает Санжан.

А как насчет карт?— подает голос второй.

— Признаться, не люблю.

— Может, ударим по пиву?— не отстает железнодорожник.

— Печень. Не рекомендуют врачи.

Тогда закурим!— Толстяк почти с вызовом протягивает мятую пачку «Явы».

— И не курю,— напоминает Санжан.

Им все это известно — уже предлагали. Ему не до соседей, и они это хорошо видят. Но все равно тормозят, пытаются чем-нибудь угостить, лезут с вопросами. Молчание случайного попутчика, молодого человека с бледным хмурым лицом, его нежелание водить с ними компанию обижает их и даже раздражает. Ишь, мол, выискался — мы для него, видать, недостаточно хороши. Так уж со всеми нами случается порой, и, если кто-то не разделяет общее веселье, это нас оскорбляет. Наверное, поэтому на второй день пути между Санжаном и соседями по купе возник некоторый холодок. Но прежде они все же попытались влезть к нему в душу.

— Что, друг, какая-нибудь неприятность?— осведомился надоедливый железнодорожник.

Ну кто станет выворачивать себя наизнанку перед первым встречным? И Санжан, усмехаясь, ответил:

— Ничего, все в порядке. Просто не очень общительный я человек.

— Бывает. Я таких встречал,— подтвердил второй сосед, будто на что-то зло намекая.

Попутчики обиженно отвернулись от Санжана и сели играть в шахматы. Играли они долго и бестолково, стараясь не столько поковылять, сколько дать работу истомившимся от безделья рукам. Азарта не было, и соперники пытались восполнить его бодряческими репликами:

— А я вот сейчас на тебя нападу...

Это мы еще поглядим, кто кого!..

Играющие морщили лбы, изображая работу ума. А ладья железнодорожника, между тем, уже который ход стояла под боем. Взяв пешку противника, он взмахнул рукой, печально задел при этом Санжана локтем и буркнул:

— Извиняюсь.

Занятый мыслями, Санжан и бровью не повел, только машинально отодвинулся к окну. Тогда железнодорожник уже намеренно толкнул Санжана и первым же возмутился:

— Неужели нет в купе другого места?! Вы же видите: мешаете играть!

Санжан очнулся и будто впервые увидел своих попутчиков:

разве, кроме меня, едет кто-то еще? Откуда они, эти люди? И, словно смирившись с удивительным открытием, спокойно предложил задире:

— Может, выйдем? Свежим воздухом подышим? — Он повел рукой, разгоняя клубы табачного дыма.

Теперь настала очередь удивляться соседям по купе. Три дня молчал и вдруг ожил. Первым пришел в себя железнодорожник и весело согласился:

— Почему б не пройтись? Я к вашим услугам!

Когда они выходили из купе, железнодорожник задержался у порога и подмигнул своему партнеру. Тот приподнял левую бровь — как бы благословил.

Вернулись очень скоро, не прошло и пяти минут. Железнодорожник был явно чем-то обескуражен. Его лоснящаяся аккуратная прическа потеряла обычный блеск. Он молча снял туфли и лег на полку лицом к стене.

Санжан последовал его примеру: разулся и легко взлетел на свое верхнее место.

— Пора, видно, и нам набок, — сказал жене толстяк.

— Как хочешь, — послушно ответила та.

Санжана разбудила тишина. Не было ни уже ставшей привычной тряски вагона, ни стука колес. Он свесил голову, выглянул в окно. Поезд стоял на маленьком полустанке.

В купе висела тяжелая, влажная духота. Санжан наощупь нашел в темноте полотенце, вытер вспотевший лоб, слез с полки и, стараясь не шуметь, открыл дверь и вышел в безлюдный коридор. Здесь было прохладней. Он выглянул в открытое окно, ощущая разгоряченным лицом легкое движение воздуха. Перед ним по ту сторону полустанка, за границей света, падающего из вагона, угадывалась черная степь.

Освоившийся с тишиной слух вдруг уловил странные звуки. Точно скулил старый аульный кобель, оплакивая уходящую жизнь. Вначале Санжану показалось, будто плачут где-то поблизости от вагона. Но затем он понял, что это не так, всхлипывания раздавались из дальнего тамбура.

Дверь в тамбур была приоткрыта. На площадке темно. Видно, перегорела лампочка, и ее не удосужились заменить. В углу у выхода кто-то сидел, уткнувшись лицом в колени, и тихо, на одной высокой ноте выл: «И-и-и». Всмотревшись, Санжан узнал жену соседа по купе. Краем уха он слышал, что эта пара поженилась всего два месяца назад и поездка в Москву была их свадебным путешествием. («В ГУМе были... в ЦУМе были...» — вспоминал то и дело толстяк).

«Что это? Первое разочарование в семейной жизни? Плач по годам девичества?» — гадал Санжан. Наверное, выскочила замуж, начитавшись толстых романов. Ах, какой джигит! Черные лихие усы, брови вразлет, точно крылья беркута. А нежность его: «Ты моя звездочка!.. Ты моя луна!». Но мечта обернулась сухой прозой: «Не твое дело, молчи!», «Сделай это, принеси то!». Приблизительно так и разговаривал с ней муж. От нее же самой только и слышно: «Сейчас сделаю... Сейчас принесу...»

Лицо толстяка и вправду кого-то напоминало Санжану. А имя? Может, подскажет оно? Ерке — так называла его жена. Еркежан... Еркежан... Мало ли людей на свете с этим уменьшительным именем...

Санжан терзался сомнениями: «Может, спросить, что с ней, и как-то утешить? Но кого утешить? Ее? Или себя? Совесть твоя будет чиста от того, что ты будто бы сделал все. Разделил с ней горе и взял на себя его часть. Не так ли? Нет, все ложь, горе ни с кем не поделишь. Оно принадлежит одному. Этой женщине. Что же остается тогда? Жалость? А нужна ли ей она? Чужая жалость только делает боль еще острее». И Санжан прикрыл за собой дверь.

Забывшись он лишь под утро и вскоре проснулся оттого, что что-то жесткое и тяжелое придавило ему ногу. В предрассветных сумерках попутчик-казах снимал с верхней полки свой багаж, сумки, узлы... Заметив, что Санжан проснулся, он равнодушно, без чувства вины бросил:

— Прости, парень... Выходим скоро.

Дескать, что там твои ноги, если лично мне пора собирать свое барахло.

Возня молодоженов, щелкающих замками чемоданов, шуршащих бумажной упаковкой, не давала Санжану заснуть. Он винтом вертелся на постели, зарывался лицом в подушку, усиленно сжимая веки, но это не помогало. К тому же, видя, что Санжан не спит, молодожены перестали стесняться и всю переговаривались.

— Это куда? — спрашивала она.

— Сунь в чемодан... Ну кто так завязывает узел, растяпа!

— А арбуз... половину эту? Тоже возьмем?

— Ты еще огрызки от яблок в сумку положи! Соображай, что люди о нас подумают!

Так Санжан и промучился, пытаясь заснуть. А потом взошло солнце. В вагоне стало жарко. Вдобавок закурили мужчины. Валяться на верхней полке стало невозможно, да и пора было приводить себя в порядок. Приближалась его станция — Джамбул. Санжан слез с полки, сходил умыться, побрился.

— Ну что, сосед, врежем по последней? — предложил толстяк железнодорожнику.

Троица удалилась в ресторан. Санжана на этот раз не позвали. И вообще не замечали, будто его и не было. Можно подумать, наказывали соседа за нелюдимость.

Санжан, разумеется, против этого не возражал. Он снова принялся смотреть в окно. Тепловоз, словно игла, протачил сквозь туннель нить состава и теперь мчался по его родным местам. Вот на этот крошечный разъезд он приходил к своим друзьям — детям путевого обходчика. В том потемневшем, полусгнившем от времени и непогод сарае он в грозу провел беспокойную ночь. А здесь когда-то был маленький аэродром, и он вместе со своими друзьями Еркебуланом и Кодаром, бегал смотреть, как взлетают и садятся на землю юркие острокрылые самолеты. Вдали Санжан часто вспоминал родные места, тосковал. Иногда хотелось бросить все и помчаться домой. «Вернусь и, наверное, ничего не узнаю. Должно быть, все изменилось», — говорил себе Санжан. Но он узнавал. За окном вагона мелькали картины его детства. Однако, странное дело, он оставался спокойным, словно смотрел фильм из чужой, малоинтересной жизни. К его смущению, ничто не дрогнуло в душе и тогда, когда появился вокзал станции Джамбул. Разве это не он пропадал здесь днями, ожидая отца с войны? В ту пору вокзал казался ему высоким красивым дворцом. Теперь он разочаровывал — небольшое, приземистое зданьице, тоскующее по капитальному ремонту...

Санжан взял чемоданчик и направился к выходу. Навстречу ему спешили загулявшие попутчики.

— Да поживей ты! — покрикивал толстяк на жену. — Будешь телиться — поезд уйдет!

— А мы как по тревоге: раз-раз! — подбадривал их железнодорожник.

Вызывая в себе все новые воспоминания, Санжан последовал вдоль здания вокзала. Вот здесь стоял корявый тополь, в ветвях которого он устроил наблюдательный пункт. Когда приходил очередной состав с демобилизованными бойцами, Санжан срывался вниз и бежал вдоль теплушек. Ему казалось, что отец все-таки жив, что он среди этих людей в выгоревших почти добела, просоленных потом гимнастерках, что он прячется от него, как когда-то в детстве. И сейчас будто из-под земли вырастет за его спиной, засмеется: «Сынок, а я здесь!..»

Санжан обогнул вокзал и вышел на площадь. Здесь он снова увидел супружескую пару из своего купе. Молодожены вывалились из вокзального подъезда и, горбясь под тяжестью багажа, потащились к автостоянке. Железнодорожник им помогал, взяв в

руки два раздувшихся чемодана. Посреди площади их перехватил высокий черноволосый парень и, расцеловавшись с казаком, поднял его груз и повел приехавших к новенькой голубой «Волге». Возле машины снова начались объятия. Толстяк и железнодорожник распрощались, обменялись адресами.

Санжан поймал себя на мысли, что с большим вниманием следит за действиями людей, с которыми провел бок о бок три дня и даже не поинтересовался, откуда они и куда держат путь. Надо же, теперь, когда дороги их разошлись, он уставился на них во все глаза. Санжан улыбнулся и отправился ловить такси.

Затея эта оказалась безнадежной. Все машины были заняты, и на городскую автостанцию Санжану пришлось добираться обычным маршрутным автобусом. Но спешил он совершенно напрасно: тут жили своим, отнюдь не столичным ритмом, и до отхода нужного ему автобуса оставалось еще порядочно времени.

Солнце уже немилосердно жгло, в деревянном здании автовокзала, вмещавшем с трудом даже десять человек, было тесно и жарко. Потолкавшись у кассы и купив билет, Санжан решил заглянуть на рынок, пестрое кипение которого хорошо просматривалось на противоположной стороне площади. Он пересек ее, прошел мимо памятника Джамбулу и попал в шумный и яркий водоворот. Его закружило, понесло мимо рядов. Да что рядов — торговали на каждом свободном метре!

Как это ни удивительно, но только теперь он, кажется, по-настоящему соприкоснулся со своим прошлым и почувствовал волнение, которое ждал. И произошло это именно здесь, наверное, потому, что базары остались одним из самых светлых впечатлений его не очень-то легкого детства. В последний раз он был на базаре лет восемь назад — столичные рынки в счет не шли, — но за это время в жизни базара ничто не изменилось. Все то же столпотворение самых разных людей, все тот же многоязыкий говор. Узбеки в полосатых, как арбузы, халатах, подпоясанных ниже талии платком, торгуют урюком, дынями и теми же арбузами. Стоит к ним приблизиться на шаг, как тут же берут тебя в оборот: «Что такой несмелый, бери! Отдаю почти задаром! Сам бы съел — для тебя берегу!» Не отстанут, пока не купишь. Казахи, несмотря на жару, в лисьих шапках и калошах, надетых на мягкие сапоги. Старухи в кимешеках¹. Крашеные русские бабы. Разнаряженные колхозники, что приехали на базар всей семьей. Так и ходят: впереди — глава семьи, за ним гуськом, будто выводок, жена и дети. Здесь не только торгуют. Люди серьезные набираются на рынке ума, узнают свежие

¹ К и м е ш е к — женский головной убор, накидка с прорезью для лица.

новости. Одни веселятся, другие отдыхают. А кто-то заботится о своей красе. Вон, в тени под навесом, расстелив вместо кошмы свой пояс-платок, узбек бреет голову приехавшему из глубинки казаху...

Санжан зашел в магазин, и его настроившаяся на сентиментальный лад душа вдруг угодила в атмосферу скандала. Посреди магазина выстроились кружком зеваки, из-за их спин слышался истеричный голос пока невидимой Санжану женщины:

— Товарищ милиционер, я сама его за руку поймала!

Санжан подошел ближе и увидел в центре пожилого милицкого старшину, женщину средних лет с белым от волнения лицом и молодого мужчину. Над ними возвышался верзила с маленькими бегающими глазками.

— Поймала?! Где ж ты ее поймала? В своем кармане? Врет она, начальник. Рука-то моя — вот где! — И верзила, ухмыляясь, повертел перед собой широкой толстой лапищей.

— Попробуй такую удержи, — посетовала женщина. — Он так ее дернул — чуть карман не порвал... Я же говорю: этот гражданин все видел. Ну почему вы не хотите подтвердить? — обратилась женщина к молодому мужчине.

— Ну чего пристала к человеку? Он же сказал: не видал! Не было ничего, — вмешался верзила и сам спросил мужчину: — Так ты видал или не видал? — Голос его напрягся.

— Товарищ сержант, я уже говорил: лично я ничего не видел, — объяснил мужчина, пожав плечами. — И прошу меня не вмешивать... во все это. К тому же я спешу по важному делу.

— Я вас больше не задерживаю, — сказал сержант, вздохнув. — И ты, Абдураимов, иди. И чтобы я тебя здесь больше не видел!.. Ничего не поделаешь. Ни свидетелей, ни фактов, — пояснил он пострадавшей.

Все разошлись, а женщина никак не могла успокоиться.

— Ну как же так? Ведь он все видел. Я еще посмотрела на него, думала, поможет. А он тут же отвернулся, — пожаловалась она Санжану.

Когда солнце медленно покатилося вниз, к горизонту, допотопный автобус повез Санжана дальше. Он трясся по разбитой дороге, гремел, проваливаясь в ямы, как будто его металлическая коробка была набита не живыми людьми, а железными гвоздями. Через полчаса изматывающей душу езды машина описала полукруг у подножия черной горы и высадила Санжана в точке, которая у местных жителей называлась попросту Кок Озек¹.

Его аул лежал в стороне, в трех километрах от грейдерной дороги, и до него надо добираться пешком. Санжан огляделся

¹ К о к О з е к — Зеленая Перемычка.

и не узнал родные места. Раньше между дорогой и аулом стояли густые заросли камыша, и путники ходили по тропе, протоптанной по самой короткой прямой. Санжан и сам не раз бегал этим путем. Теперь перед Санжаном простиралась голая равнина. Однако привычки порой сильнее перемен — люди, видно, как и прежде, ходили по старой тропе. Она начиналась у ног Санжана и убегала к виднеющимся вдали кубикам домов аула.

Санжан поднял чемоданчик и ступил на знакомую тропу. Солнце уже касалось краем линии горизонта. Его шар разбух побагровел. Вершины гор и домики аула окрасились в розовый цвет. На равнину легла его, Санжанова, длинная тень. Она сразу чем-то напомнила о детстве. Но чем именно?..

Аул трудно было узнать. Санжан на миг усомнился: туда ли он идет? Помнится, с этой стороны, откуда он шел сейчас к аулу, почти вплотную подступал камыш. Теперь Санжану открылся скотный двор с добротными помещениями для коров. За ним, вместо беспорядочно толпившихся саманных построек ровными рядами выстроились новые дома. Под шифером, с просторными верандами. Улицы выпрямились, вдоль оград поднялись стройные тополя.

Когда Санжан поравнялся с воротами скотного двора, оттуда вышла группа молодых людей. Парни и девушки громко смеялись. Какой-то толстый парень пытался шутливо обнять худенькую пышноволосую девушку, и та с притворным испугом убегала. Санжан присмотрелся, пытаясь найти хоть одно знакомое лицо. Но тут же понял бессмысленность своей затеи.

Заметив приезжего человека, его пристальный взгляд, молодые притихли. Парни приосанились, девушки застенчиво замерли.

Где-то здесь, в начале этой улицы, находился старенький покосившийся дом, из которого он уехал, казалось, навсегда. Санжан искал его взглядом, прошел, наверное, пол-улицы, но ничего похожего на этот дом не было. Особняки кругом другие, совсем незнакомые. «Возможно, апа¹ переехала. Спрошу у людей», — решил Санжан и постучал в ближайшее окно.

Из дверей выскочила юная красавица лет пятнадцати. Санжан задал вопрос, но девушка почему-то засмущалась, даже слова вымолвить не могла.

Из дома слышался старушечий голос:

Кто там пришел?

Апа! — очнувшись, крикнула девушка в открытую дверь. — Какой-то мужчина ищет дом бабушки Дурии.

«Какой-то?!» — усмехнулся Санжан. — Уже для кого-то «какой-то»

¹ А п а — здесь: бабушка.

В дверях, опираясь на посох, появилась древняя, согбенная старушка. Подошла близко к Санжану, чуть ли не в упор принялась слезящимися глазами разглядывать его лицо.

— Кто ты, милый?

Я внук Дурии-апы.

Вот как, у бедняжки Дурии, оказывается, есть внук?— удивилась старушка.— А я и не знала... Хотя... постой... Был, был.— Старушка обрадованно затрясла головой.— Как же, был у нее внук!.. Так ты — он самый?!

— Он самый,— невольно улыбаясь, подтвердил Санжан.

— Какой большой и красивый,— залюбовалась им старушка.— Вот уж обрадуется Дурия. А то все одна и одна... Ах да, что же это я, старая! Ты спрашиваешь, где найти Дурию? Она живет на ферме Еркебулана. Туда и ступай.

— А где это?

— Ты не знаешь Еркебулана?— поразились старушка.— Все Еркебулана знают.

— А я не знаю,— снова улыбнулся Санжан.— Мне не повезло.

— Апа, его знают только у нас. А дяденька приехал изда- лека,— напонила девушка, по-прежнему смущаясь и не подни- мая глаз.— Откуда ему знать?

— Тогда иди к Змеинному камню. Там Еркебулан,— объяснила старушка.— Твоя бабушка уже давно на его ферме живет.

Змеиным камнем, он вспомнил, называли холмистую мест- ность по ту сторону озера.

Приехав из Москвы, Еркебулан тотчас, как говорится, попал с корабля на бал. Не успел внести в дом багаж, как его огорошили вестью, которую можно было толковать и так, и этак. Приезжал из правления человек, велел передать: завтра утром ему, Еркебулану, надо явиться в райком. Зачем? Этого посыльный не ведал и сам. И председателю колхоза, сказал, неизвестно. Звонили, и все. Встревожившись, Еркебулан, едва забрезжил рассвет, помчался в районный центр, поднял на ноги «своего человека». Оказывается, проклятый завистник Султан настроил на него письмо. «Ничего существенного. Да и то, что есть, нужно еще доказать,— пояснил свой человек.— Правда, неизвестно, как отне- сется к письму первый секретарь...» К счастью, все обошлось. И вот он снова за рулем своей голубой «Волги» — возвра- щается домой как ни в чем не бывало.

Подъезжая к мосту, перекинутому через овраг, Еркебулан с удовольствием вспомнил слова первого: «У райкома нет времени заниматься мелкими дразгами. Хватает дел поважнее». Пусть

теперь предатель Султан попробует взяться за перо! Да и не с его умом разжигать костры. А что он написал, черная душа? Глупец! Разве умный человек будет про такое сигналить наверх? Важно что? Поголовье скота сохранено. С планом все в порядке. Сапог дырявый — этот Султан, чего он хочет добиться?

На мосту «Волгу» сильно тряхнуло, и Еркебулан на миг потерял нить размышлений, но тут же снова ее ухватил. Разве что не за тот конец. «А в общем-то, даже хорошо, что Султан написал,— подумал Еркебулан.— Мудро говорят: нет худа без добра. В райкоме лишний раз убедились, что я, Еркебулан,— великой честности человек, а те, кто треплет обо мне языком — жалкие завистливые клеветники!»

«Волга» легко взбежала на пологий холм. Внизу сверкнуло синью озеро. Скатившись с холма, машина вскоре взлетела на второй. Отсюда был хорошо виден крошечный аул — его молочная ферма. Впереди — два длинных коровника, крытых камышом. За ними — пара домов. Большой белый, с просторной верандой — жилище — нет, дворец! — его, Еркебулана. Второй, приземистый и грязный — логово доносчика Султана. Чуть в стороне теснились кучкой контора фермы, красный уголок и общежитие доярок. А на отшибе стоял маленький домик старушки Дурии. Актив-апы, как в шутку ее называет Еркебулан.

Он лихо обогнул коровник и затормозил точно перед дверью своего дома. Три женщины тотчас оставили домашние дела и бросились к машине. Первой подбежала жена Перизат, одетая в широкое узбекское платье. За ней в черном бархатном балахоне — толстуха Магрипа, жена покойного старшего брата. Последней подоспела старушка Дурия и тут же принялась командовать. Выйдя из машины, Еркебулан с улыбкой слушал, как с притворной строгостью кричит Актив-апа:

— Ну что за молодежь?! Совсем не уважают друг друга! Да-да, Перизат, я тебе говорю! Принеси щетку и почисти мужу костюм!

Перизат бросилась в дом, а неугомонная Актив-апа добавила вслед:

— И сапоги почистить не забудь!

— Совсем бы мы распустились, пропали без тебя, апа,— весело сказал Еркебулан.

— А, ты все смеешься над старухой.— Актив-апа погрозила пальцем и вдруг не выдержала, так и засветилась радостью:— Приехал Санжан! Мой жеребеночек меня не забыл. Теперь я не одна. Вернулся мой птенчик!

Знаю, апа. Надо же! Четыре дня ехали вместе и не узнали друг друга,— Еркебулан недоуменно покачал головой.— Может, поговорили б, и все встало на место. Знаете, как бывает

в дороге? Рассказывают о себе, спрашивают других: кто, откуда и куда? Да ведь из вашего внука не вытянешь и слова. Хоть пытай!

— Молчун он у меня, молчун! — ласково подтвердила старушка. — Весь в отца. Покойник тоже любил помолчать. не подступись, нем, как стена. Мы так его и звали: Каратас¹!.. Ну, пойду посмотрю, как там внучек мой.

Перизат вынесла щетки и принялась счищать с мужа дорожную пыль.

— Я тоже отдохну, а ты позови Санжана в гости.

— Я уже позвала.

— Вот как?

Он настороженно взглянул на жену. Она присела на корточки и чистила ему сапоги. Еркебулан увидел ровную белую полоску кожи, разделившую волосы на две стороны, толстые черные косы, спадавшие на плечи. Белую нежную шею. Что нам таилось, в этой голове?

— Ты же сам сказал. Утром, — невинно напомнила жена.

— Я еще из ума не выжил. Помню, — притворно обиделся Еркебулан, а сам озабоченно подумал: «Что это со мной? Ревную, точно болван. Разве я себе цену не знаю? Где она еще такого мужа найдет?»

— Сидел в машине, а сколько пыли собрал?! — Перизат подняла свое лицо. Ее большие темные глаза смотрели на Еркебулана по-детски наивно. И муж отмахнулся от последних сомнений. «Она по уши в меня влюблена. Она — моя! И только моя!» — сказал он себе.

— Гостей пригласи часам к шести. Тогда к девяти они соберутся.

Еще в автобусе он думал: вот только доберусь до постели, буду спать без просыпу два дня. А вышло наоборот. И в комнате, кажется, приятная прохлада стояла, и чистую мягкую постель бабушка приготовила, но стоило ему прикоснуться щекой к пуховой подушке, и сна как не бывало. Так и промучился в постели всю ночь и весь следующий день. Временами в комнату заглядывала бабушка. Он закрывал глаза и притворялся спящим. И она уходила, что-то шепча себе под нос.

К вечеру, намяв изрядно бока, Санжан наконец поднялся. В комнате уже обосновался полумрак, но за окном было довольно светло. Санжан любил это время суток, приносящее с собой тиши-

¹ Черный камень.

ну и покой. Он надел рубаху, влез в узкие брюки, босиком подошел к окну. И тотчас в испуге отпрянул... Сел на кровать...

...Точно так же было и тогда, двадцать четыре года назад, в день его Первого Большого Горя. В тот раз его, трехлетнего Санжана, как всегда, уложили спать. Обычно это делала мать. Она сидела некоторое время возле сына на постели, целовала его в лоб и выходила, закрыв за собой дверь. Проснувшись, он ждал, когда она придет снова. Мать будто угадывала — приходила сразу. В тот раз ее не было долго. Санжан испугался, заплакал, закричал: «Мама, мама!» Он звал, но мать не приходила. Он вылез из постели, бросился к двери, но она была заперта снаружи. И когда Санжан в отчаянии подбежал к окну, на него глянула точно такая же зловещая, огромная луна. Она казалась похожей на головку сахара, который подержали в крови. Верхняя часть диска была светло-розовой, но цвет постепенно густел, словно кровь стекала в нижнюю часть луны, и наконец стал багровым. Санжану почудилось, что еще немного, и кровь начнет капать прямо на его аул.

— Мама!— в ужасе закричал Санжан и забился в дальний угол комнаты.

Дверь открылась, и вошла бабушка, кого-то отчаянно кляня:

— Бессовестная! Бога забыла! Бросить своего ребенка и ради кого?.. Иди ко мне, сиротинка моя несчастная. Залезай, садись ко мне на спину.

Да, казашки в аулах и по сей день носят детей за спиной. Потом вдали от родной земли, в большом городе ему этот обычай будет казаться странным. Но тогда маленький Санжан торопливо взобрался на бабушкин загорбок, крепко обхватил ее за шею и затих. А ругала Дурия-апа его мать и свою единственную дочь Кулян. Однако он узнает об этом, когда подрастет...

И снова, как и тогда, появилась бабушка:

— Не спится? Слышу, кто-то ходит. А это ты, мой жеребенок. Свет бы зажег. Сидишь в темноте...

— Не надо, апа, не зажигайте. Так хорошо,— попросил Санжан.

— Чего уж тут хорошего?— удивилась бабушка, садясь рядом с ним.— Раз уж встал, мой ласковый... Еркебулан тебя давно ждет. И гости у него собрались.

— Апа, я приду попозже,— мягко сказал Санжан и с досадой подумал: «О господи, и кто это только придумал обычай звать в гости людей, даже если ты их почти не знаешь?»

— Радость ты моя, свет глаз моих!— Бабушка не удержалась, погладила его по голове, точно малое дитя.— Вернулся, пожалел меня... А я живу, как дерево после пожара — ни веточек, ни листьев. Один обгоревший ствол.

— Кстати, апа, как ваша корова? Скоро отелится?— Санжан решил увести разговор в сторону, она поняла и обиженно умолкла. Да он и сам о сказанном пожалел. Уж очень грубо вышло. Пожалел и бережно провел ладонью по ее щеке, мысленно говоря: «Бабушка, бабушка, единственная ты у меня». А много ли нужно одинокой старухе? Одно ласковое прикосновение — она и оттаяла.

— Да что мы все обо мне да обо мне?!— спохватилась Актив-апа.— Был бы ты здоров! Бога буду молить! Пусть позаботится, мой жеребеночек, о тебе. А я свою жизнь прожила. Все, что положено, и выпила, и съела. И отплакала свое, и отсмеялась: Если у тебя все будет хорошо — покину этот мир без сожаления... Ой, кажется, засиделась я!

Она тяжело поднялась, с трудом разогнув поясницу, наступила при этом на подол своего кимешека, покачнулась. Внук поддержал ее за руку и подумал: «Старенькая уже». В дверях Актив-апа оглянулась, напонила:

— Не забудь: Еркебулан ждет тебя.

Появление бабушки, казалось, вернуло его в мир, где все было и ясно, и просто. Но стоило ей выйти, как его мысли снова повергло в хаос. От кого он бежал? От чего? Что он приехал искать здесь?.. И в таком состоянии он должен идти в гости, произносить слова, которые не хочется говорить, задавать вопросы, заранее зная ответ. «Как вы поживаете?»— «Спасибо, хорошо!» Хотя, может быть, на самом деле и плохо. Так же спросят и его. И он так же ответит. Этот обряд живет века. Да и было бы нелепым, открой он вдруг свою смятенную душу незнакомым мужикам, собравшимся к тому же выпить и вкусно поесть. Ему придется смеяться, если кто-нибудь вздумает смешить. Иначе человека обидишь. Не пойти тоже нельзя. Бабушке будет больно. Она теперь не одна, у нее есть внук, ее плоть и кровь. И пусть это видят все!

Санжан вышел из дома. Сумерки будто бы выбрались из комнаты, расползлись по округе. Везде, куда ни падал взгляд, царил серый цвет. Санжан зашагал к ферме. Оттуда слышались пронзительные женские голоса, собачий лай и мычание коров.

На подступах к дому Еркебулана, точно стражники у мазара святого, стояли два парня.

— Ассалаумагалекум!— гаркнули они во весь голос и подхватили Санжана с двух сторон под руки. И уважительно, и вместе с тем так, будто Санжан попал в западню. Захочешь не убежишь.

— Как ваше здоровье, ага¹? — почтительно осведомился один из парней — длинный, худой, с тонкой полоской усов под широким плоским носом. Это он встречал на вокзале Еркебулана и его жену. Младший брат Улан, как сказала бабушка. Второго парня Санжан видел впервые.

— Как вы себя чувствуете, ага? — спросил и второй.

Можно подумать, он намного старше их. Не молодой, цветущий мужчина, а дряхлый, немощный старик. Но таков старинный обычай. И Санжан, отдавая ему дань, горячо заверил, что здоров, чувствует себя превосходно. Потом он выразительно взглянул на свои плененные руки и спросил:

— Еркебулан дома?

— Он давно вас ждет, — ответил Улан. Стражники, поняв, что многоуважаемый пленник идет туда, куда нужно, успокоились, разжали руки.

Перед домом Еркебулана пылал очаг. Возле бурлящего на огне казана сидели старушка Дурия, Перизат и женге² Еркебулана Магрипа, которую апа еще вчера показала ему издалека.

Магрипа с удивительной легкостью подняла свое грузное тело и пошла навстречу Санжану. Заговорила, словно знала его давно:

— Ласковый ты наш! Дорогой наш! Вернулся все же на родину! К своей одинокой апе вернулся! Доброе у тебя сердце! Как ты дальнюю дорогу перенес? Сильно устал? А похудел, похудел! Видно, нелегко даются науки! О, что они вытворяют с людьми!

— Спасибо, я доехал хорошо, — сообщил Санжан, надеясь успокоить Магрипу. Но та все не могла остановиться:

— И правильно сделал, что уехал оттуда! В городе шаг ступил — плати за это деньги. За все плати! Там все по правилам. Собаку привяжи — пропадет! И что бы ты ни говорил, мы тоже кое-что знаем. Мы не хуже других, и мы в городе жили. Когда мой муж работал в райисполкоме... Как хорошо, что ты вернулся, радость моя!

Актив-апа довольно кивала, одобряя слова Магрипы. А Перизат даже не повернула головы, будто и не видела, что пришел Санжан. Что-то оживленно рассказывала ей Актив-апа и, поскольку Перизат в это время слушала не ее — Магрипу, сама же и смеялась.

— ...«Работайте спокойно. Мы вас в обиду не дадим». Так сказал первый секретарь нашему Еркежану. И негодник Султан остался ни с чем, — услышал Санжан ее рассказ, приблизившись вместе с Магрипой к очагу.

¹ А г а — обращение к старшему.

² Ж е н г е — жена старшего брата

— Чтоб он провалился, этот Султан, вместе со всем своим потомством! — с ходу подключилась к ней Магрипа. — Чего он захотел! Спихнуть нашего Еркежана и самому заведовать фермой!.. Садись, дорогой, сюда, — заботливо сказала она Санжану, подставляя самодельную низенькую скамеечку и, будто ее кто-то снова переключил: — Вместо того чтобы писать доносы на достойных людей, лучше бы вымыл свое грязное от чернил лицо! Неблагодарный! — крикнула она, повернувшись в сторону дома, в котором обитал злосчастный Султан. — Чтобы тебе самому ни от кого не слышать доброго слова! Вовек! И что за народ пошел? Не может жить тихо. Обязательно надо на кого-то настрочить. Не напишет — голова болит!.. Кусок застревает в горле!.. Он весь в своего отца Дулата, — повернулась Магрипа к Санжану. — Да ты его знаешь. Этаким безбожник! Уже одной ногой в могиле, а ему все не так. Каждый день крики, каждый день ругань! Все ищет беду! А виноваты у него мы!

— И чем Султану не угодил наш Еркежан? — жалобно спросила Перизат.

— От зависти все! — сказала Магрипа, как вынесла приговор. — Оказывается, этот Султан вдвоем со старшим братом собрал деньги и купил себе «Москвич». Смотрите: вот мы важные какие! А тут наш Еркебулан возьми и купи себе «Волгу». Что тут началось! Поругались, схватились за ножи — чуть не зарезали друг друга!.. Ой, дрова забыла принести!.. Так что, милый мой, и не спорь: народ теперь пошел... — Магрипа направилась в сарай, не прекращая молоть языком.

«Надо сматываться отсюда, — подумал Санжан, — не то и опомниться не успеешь, как тебя втянут в чьи-нибудь дразги».

— Ступай, мой жеребеночек, ступай к Еркебулану. Нечего тебе женщин слушать, — словно угадав его мысли, сказала Актив-апа.

— Можно подумать, мужчины умнее, — вызывающе буркнула Перизат, по-прежнему стараясь не замечать Санжана.

Санжан поднялся. И вовремя. Перед ним снова появился младший брат Еркебулана Улан.

— Ага, пожалуйста, заходите!

Сдержанность. Понятие почти святое для казаха. Если ты несдержан, суетишься, забегаешь вперед других и все твои страсти написаны на лице, тогда грош тебе цена, и никто такому человеку не доверит мало-мальски серьезного дела. Но тот, кто умеет собою владеть, достоин — о! — большого уважения. У такого человека всегда есть будущее.

Санжан вспомнил об этом, войдя в комнату, где вокруг

щедрого стола восседали Еркебулан и его гости. Несмотря на обилие еды и питья, над пирующими витала та самая сдержанность. Судя по всему, здесь были только свои. И хотя вместе работали и, наверно, встречались каждый день, никто не хотел показаться человеком, легковесным, пришедшим только выпить и почесать язык. Каждый держался настороже. Ни одного лишнего движения, ни одного лишнего слова. Тихо было и на женской половине стола. Нарядно одетые дамы — кто в костюмах с прямыми, как из досок, плечами, кто в платьях из панбархата — коротко обменивались вежливыми вопросами: «Здоровы ли дети?.. Что нового дома?» И потому сегодняшней той в доме Еркебулана, несмотря на все старания хозяина, никак не мог начаться. Хозяин им анекдот — а они сухо: «Да-да, такое бывает».

«А может, все объясняется проще,— подумал Санжан, окидывая взглядом стол,— еще не подали ни водку, ни чай».

Его появление тоже, казалось, впечатления не произвело. Хотя, как он понимал, собрались именно «посмотреть на него». что, дескать, из себя представляет этот столичный фрукт. Гости Еркебулана поприветствовали новоприбывшего, справились о здоровье и снова затихли. Но зато сам хозяин проявил свои чувства открыто: поднялся из-за стола и с распростертыми объятиями вышел навстречу Санжану. Тому почудилось, будто Еркебулан, приблизившись, заговорщицки подмигнул. Мол, давай проучим эту спесивую публику.

Они обнялись, громко похлопывая друг друга по крепким лопаткам.

— О друг мой!— выпренно провозгласил Еркебулан.— Наконец-то ты живым и невредимым добрался до родного очага. Дай еще раз обнять тебя!..

Не дожидаясь согласия, Еркебулан снова стиснул Санжана.

— О друг! Без тебя джайляу моего сердца было пустынно!— Еркебулан то ли хотел блеснуть перед гостями своей дружбой с человеком из столицы, то ли попросту насмеялся над ним.

— О герой трудовых степеней!— произнес Санжан в тон Еркебулану.— Мне все эти годы так не доставало тебя, о опора государства!

— Куда нам!— смутился Еркебулан.— Мы простые люди. Живем в степи. Делаем свое маленькое дело. Лучше расскажи о себе. Как живешь? Как и куда двигаешь мировую науку? Вы бы посмотрели на него,— обратился он к зрителям импровизированного спектакля,— четыре дня молчал как дикий. Ну кто бы мог подумать, глядя на него, что он и есть тот самый ученый человек — гордость нашего аула?!

Остальные с улыбкой следили за представлением, которое устроили сверстники, встретившись через столько лет. Санжан понял, что сам, того не замечая, играет роль, уготованную ему Еркебуланом, и промолчал. Заметив в его глазах недовольство, хозяин дома отступил, произнес будничным голосом:

— Не будем, впрочем, о делах. Лучше выпьем, повеселимся!— и громко посетовал, обращаясь ко всему застолью:— Надо же такому случиться. Ехали в одном купе. Просидели четыре дня нос к носу и не узнали друг друга.

Он подвел Санжана к столу, потеснил сидящих на почетном месте и усадил рядом.

Тут же принесли и водку, и чай. Так и есть: не начинали, ждали его. Теперь компания оживилась. Мужчины открыли бутылки, разлили водку в хрустальные бокалы, привезенные из Москвы — на донышках еще сохранились фабричные этикетки. После этого взгляды гостей обратились к рыхлому полному мужчине, председателю здешнего отделения сельпо Аубакиру. Он был старшим по возрасту и чину, ему и полагалось первое слово.

— Спасибо, мужчины, за честь!— начал Аубакир и пошутил:— Хотя кому же еще говорить за этим праздничным столом, как не мне... Верно сказал наш Абай: если работаешь без лени, будешь сытым, не побираясь.

«Странное дело,— подумал Санжан,— этого человека я вижу впервые, но мне известно, что скажет он дальше. Сейчас он похвалит себя, а затем примется славить Еркебулана».

— По труду мы и ценим человека, уважаем его,— говорил Аубакир.— Возьмем меня. Кем я был в начале своего пути? Может, сразу так и появился на свет председателем сельпо? Конечно, нет! Я был обычным ребенком. И что же я стал делать? Я стал трудиться, не жалея себя. Сначала в школе. А когда подрос, в колхозе. И теперь скромно пожинаю плоды. И разве только я один?— Он взглянул на Санжана, словно спрашивал: я говорю именно так, как ты думал?

Санжан не выдержал, ухмыльнулся. Оратор кашлянул и, будто получив одобрение, воскликнул:

— Я сегодня счастлив! И счастлив, в частности, оттого, что вот в эти минуты сижу за дастарханом у человека, который, несмотря на молодые годы, уже носит на груди орден и руководит производством. Я говорю о нашем дорогом Еркебулане!.. Еркежан, я смотрю на тебя и вспоминаю свою лихую молодость. Я тоже получил орден, когда мне было всего двадцать шесть лет!

Слушая эту речь вполуха, Санжан исподтишка изучал сидевших за столом. Некоторых из них он видел вчера. Иных впервые.